

Линь Сюй, помня о предпочтениях Цзян Яна, заказал в основном остро-кислые блюда, однако, учитывая, что по работе тому нужно было беречь голос, выбрал не слишком жгучие варианты — лишь два фирменных острых блюда ресторана.

— Ты не ешь острое? — с усмешкой спросил Цзян Ян, наливая Линь Сюю ледяной воды.

Линь Сюй слегка приоткрыл рот, чтобы охладить дыханием жжение, а на кончике его носа выступили капельки пота.

— Ем, просто понемногу.

Цзян Ян помог ему положить в тарелку несколько легких овощных блюд:

— Летом нужно есть больше острого, чтобы пропотеть и вывести из организма сырость и жар.

Сырость и жар — это понятия из китайской медицины. Когда сырость застаивается в теле, это нарушает работу селезенки и желудка, сказываясь на общем здоровье: появляется густой налет на языке, пропадает аппетит, мучают жар и жажда, а иногда это проявляется на коже — самый яркий пример тому экзема.

В наши дни молодежь при простуде или температуре просто пьет порошки и капсулы. Китайская медицина ориентирована на оздоровление, она действует мягко, но долго, а главное — лекарства очень горькие. Поэтому молодые люди редко обращаются к ней, обычно к средствам традиционной медицины прибегают люди среднего и старшего возраста.

Линь Сюй однажды писал книгу о врачах и был довольно хорошо знаком с основами китайской медицины, но Цзян Ян стал первым двадцатилетним парнем, который заговорил о сырости и жаре.

— Ты еще и в китайской медицине разбираешься? — удивился Линь Сюй.

Цзян Ян небрежно ответил:

— Мой отец — фанат традиционной медицины. Раньше, когда я болел, он всегда водил меня к врачам и заставлял пить отвары. Каждый день я слушал его лекции о здоровье, вот со временем кое-что и запомнил.

Сказав это, он поднял взгляд на Линь Сюя и проявил интерес:

— Помнится, ты писал книгу, связанную с китайской медициной? Как она называлась... Сто способов приготовления лекарств?

Линь Сюй удивился еще сильнее:

— Ты читал?

...Сколько же всего из написанного им он успел прочитать?

Линь Сюй сглотнул, чувствуя одновременно восторг, смущение и панику. В студенческие годы он предъявлял к себе высочайшие требования и никогда не публиковал то, чем не был доволен. Но сейчас все иначе: он пишет, чтобы выплеснуть эмоции, а интересные персонажи служат лишь подспорьем. Изучая незнакомые профессии, он погружается в них и на время забывает о тревогах.

Честно говоря, хотя Линь Сюй пишет уже много лет и почти каждая его книга становится хитом, он не был доволен ни одной из них. Он прекрасно понимал, что давно утратил творческий огонек и мастерство, а романы стали лишь каналом для разрядки. Он зависел от писательства, и именно оно сделало его тем, кто он есть.

Поэтому, обнаружив, что Цзян Ян знаком с его творчеством, Линь Сюй испытал скорее ужас, чем радость. Казалось, будто через эти строки Цзян Ян видит его жалкую сущность насквозь.

Цзян Ян улыбнулся:

— Немного читал. Из-за отца я одно время сильно интересовался китайской медициной. Увидел ту книгу на мужском портале, заглянул, но много не осилил. Кажется, это твой единственный роман с ярко выраженным главным героем-мужчиной?

Линь Сюй кивнул, почувствовав облегчение от того, что тот прочитал немного. Его раздирали противоречия: он хотел, чтобы Цзян Ян понимал его и читал каждую его книгу, но в то же время молил, чтобы тот этого не делал.

— Старший, кстати, после этого разговора думаю, стоит вернуться и дочитать её, — хихикнул Цзян Ян. — Хотя я и не много прочел, впечатление осталось сильное. Помню... главный герой, как и я, любил кислое? Сцена, где он сам на себе испытывает лекарства, меня просто рассмешила.

— ... — Линь Сюй выдавил неловкую улыбку и отпил воды из стакана.

— А еще тот твой роман Свет и тень. Он мне нравится больше всего, потому что главный герой там очень на меня похож.

— ... — Вот именно, мольбы были не напрасны.

Линь Сюй как раз раздумывал, как объяснить, что все его протагонисты чем-то напоминают Цзян Яна, как тот продолжил:

— У него есть свои мечты и амбиции, но он раз за разом склоняется под давлением семьи. Это... очень жизненно.

Цзян Ян по-прежнему улыбался, говорил легко, голос его не дрогнул, словно это была обычная болтовня, но Линь Сюй уловил паузу в его словах. Боясь обидеть собеседника, он осторожно спросил:

— Твоя... семья давила на тебя?

Цзян Ян ответил равнодушно:

— Они хотели, чтобы я пошел на госслужбу. Мне это не нравилось, я втайне от них выбрал специальность по душе, и они были в такой ярости, что чуть не разорвали со мной отношения.

Зрачки Линь Сюя сузились, лицо оставалось спокойным, но внутри поднялась буря. Он всегда думал, что у такого жизнерадостного человека, как Цзян Ян, семья должна быть счастливой, без давления и преград. Но теперь он почувствовал горечь за его улыбкой — разочарование и давление, скрытые в самых потаенных уголках души.

— Родители всегда такие. Используя свой опыт, под предлогом заботы о детях, они бесцеремонно вмешиваются в нашу жизнь, заставляя жить так, как хочется им, — Линь Сюй смотрел в глаза Цзян Яну, неумело пытаясь утешить. — Я тебе завидую.

— Завидуешь? — усмехнулся Цзян Ян. — Почему? Чему тут завидовать?

Линь Сюй серьезно ответил:

— Ты смог под давлением семьи жить свободно, так, как хочешь сам. Это уже лучше, чем у многих... — он хотел сказать, чем у многих геев, но счел это бестактным и поправился: — Лучше, чем у многих сверстников.

Цзян Ян фыркнул:

— Спасибо за похвалу, старший. Но я могу жить так, как хочу, лишь потому, что они на меня махнули рукой. Им бы хотелось, чтобы такого сына, как я, у них вообще не было.

Линь Сюй смутно догадывался:

— Ты...

— Я совершил каминг-аут, — безразлично сказал Цзян Ян. — До госслужбы они хотели, чтобы я пошел на финансы. Потом я поступил на диктора, и им ничего не оставалось, кроме как отправить меня на госслужбу, чтобы я потом нашел жену. Я просто признался им, что мне нравятся мужчины.

Линь Сюй застыл, явно не в силах переварить такой объем информации. Воспоминания студенческих лет заставляли его думать, что Цзян Ян — бисексуал, и хотя он может встречаться с мужчинами, он наверняка оставляет себе пути к отступлению. Но, судя по его словам, он их полностью отрезал.

— Что такое? — Цзян Ян, заметив, что Линь Сюй замер, положил ему в тарелку кусок свинины.
— Считаешь меня слишком бунтарским?

Линь Сюй покачал головой, в горле пересохло:

— Ты... ты вот так просто сказал родителям, что любишь мужчин, не боишься, что потом не сможешь вернуться к нормальной жизни?

— Что значит нормальная жизнь? — недоуменно спросил Цзян Ян, пережевывая ребрышко. — Мне с детства нравились мужчины, и я никогда не считал, что живу как-то неправильно. Зачем мне заботиться о предрассудках общества?

— Тебе с детства нравились мужчины? — Линь Сюй широко раскрыл глаза, голос его дрогнул.
— Но разве в университете у тебя не было девушки?

Цзян Ян нахмурился и выплюнул кость на тарелку:

— Когда это у меня была девушка? Я гей, как я мог встречаться с девушкой? В то время у меня были такие тяжелые отношения с семьей, что посиделки с одноклассниками за выпивкой и караоке были моим единственным способом снять стресс. У меня не было сил на любовь.

Он горько усмехнулся:

— Похоже, ты меня совсем не понял. В университете я любил только однажды, на втором курсе. Можешь спросить у ребят. О каких девушках речь? Я бы только жизнь другим испортил.

— ... — Линь Сюй побледнел, холод пробежал по его спине, выступил липкий пот.

Как такое возможно? Он ясно помнил, как Цзян Ян встречался с кем-то в университете, видел, как тот смеялся и шутил со своей девушкой. Он видел это четко, как это может быть

неправдой?!

Линь Сюй задышал чаще, в висках застучало, кончики пальцев пронзила острая боль, словно тысячи иголок впились в кожу. Эта давно забытая головная боль вызвала панику, сердце забилось в бешеном ритме, руки стали ватными. Палочки выскользнули из его пальцев и с сухим стуком упали на пол.

Цзян Ян перестал улыбаться:

— Старший, что с тобой?

— Я... я отойду в уборную, — бросил Линь Сюй и выбежал из комнаты.

Он неся к уборной, не замечая людей вокруг. Перед глазами вспыхивали странные искры, хаотичные воспоминания проносились чередой. Цветные картинки рассыпались на черно-белые осколки, лицо девушки, стоявшей рядом с Цзян Яном, исказилось, осколки разлетелись снова, и даже сам Цзян Ян в его памяти стал размытым.

Под мощным напором воды он склонился над раковиной, плеская в лицо ледяную воду, пытаясь заставить себя успокоиться. Звон в ушах отрезал его от внешнего мира, погружая в хаос его собственных мыслей. Через некоторое время Линь Сюй перестал двигаться, опираясь на раковину и тяжело дыша. Спина была мокрой от пота, что доставляло ужасный дискомфорт.

Он поднял голову: вода стекала по лицу, заливая воротник. Свет ламп падал на бледное лицо, губы потеряли цвет, глаза были пустыми и безжизненными. Холодная вода немного уняла боль, но мысли, словно клубок ниток, запутывались всё сильнее.

У Линь Сюя всегда была плохая память, многое из прошлого стерлось, но он всегда был уверен, что помнит всё, что касается Цзян Яна — это были одни из немногих ярких красок в его тусклых воспоминаниях. Но Цзян Ян опроверг это, высказав факты, которые никак не вязались с тем, что он знал.

В этот миг Линь Сюй почувствовал, что вернулся в то время пятилетней давности, когда не мог найти кончик нити, и мир превращался в неразрешимый узел. Если он даже в том, что касалось Цзян Яна, ошибался, то что еще в его памяти является правдой?

Линь Сюя пробрала дрожь, голова кружилась, отражение в зеркале казалось искаженным и туманным.

Когда он вернулся, то увидел, что Цзян Ян выходит из комнаты. Они столкнулись у входа.

— Я как раз собирался тебя искать, — Цзян Ян внимательно посмотрел на него. — Старший, ты в порядке?

Линь Сюй растянул губы в слабой улыбке:

— Всё хорошо. Давай доедать.

Цзян Ян налил ему супа:

— Хватит обо мне. Расскажи лучше о себе. Как ты жил эти годы?

— ... — Не дожидаясь ответа, Цзян Ян усмехнулся: — Глупый вопрос. Ты так успешен в писательстве, постоянно продаешь права на экранизации, должно быть, всё отлично.

— ... — Линь Сюй промолчал, бездумно попивая суп.

Цзян Ян заметил, что настроение Линь Сюя испортилось, и его состояние уже не было таким, как раньше. Он решил взять инициативу в свои руки, чтобы разрядить обстановку:

— Когда ты тогда внезапно бросил учебу, мы все гадали, что случилось. Мы не могли с тобой связаться. Я спрашивал Го Шулэ, он сказал...

Раздался звон — ложка с грохотом упала в чашку.

Цзян Ян замолчал, глядя на побледневшего Линь Сюя. В его глазах промелькнуло удивление и глубокий смысл.

— Старший, ты...

— Ничего, ешь. Мне вечером нужно вернуться, чтобы доработать сценарий, — тихо сказал Линь Сюй. Длинные ресницы опустились, скрывая взгляд, свет отбрасывал веерообразную тень на веки. В его холодности читалось явное замешательство.

Цзян Ян какое-то время смотрел на него, не отрываясь, в его взгляде читалось пытлиное любопытство, после чего он мягко улыбнулся:

— Хорошо, давай поедим, не будем о прошлом.

Оставшаяся часть ужина прошла не так весело. Линь Сюй был молчалив, в основном говорил Цзян Ян — у него был приятный голос, и слушать его было удовольствием. Настроение Линь Сюя постепенно выравнивалось, он отвечал на интересные темы, беседа текла гладко, и внешне всё казалось прежним, только глаза уже не светились тем блеском, что был в начале.

После ужина они вместе пошли домой. Когда Линь Сюй открыл дверь и зашел, Цзян Ян

окликнул его. Лэ-лэ, заведя, что дверь открылась, радостно выскочил навстречу, виляя хвостом у ног Линь Сюя.

Линь Сюй погладил пса по голове и обернулся:

— Что такое?

— Я очень рад, что мы сегодня поужинали вместе. Столько времени не виделись, — Цзян Ян улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. Его улыбка была подобна весеннему ветерку.

На душе у Линь Сюя стало теплее:

— Да, я тоже.

Цзян Ян продолжил:

— Прости, если я был бестактен, расспрашивая о прошлом. Если это тебя задело, извини.

— Нет, что ты, — ответил Линь Сюй. — Ты слишком вежлив.

— Вот и хорошо. А то ты перестал улыбаться, я уж подумал, что ты злишься, — Цзян Ян с облегчением открыл свою дверь. — Ты ведь завтра будешь в студии?

Линь Сюй не слишком уверенно ответил:

— Наверное...

Цзян Ян наклонился, чтобы погладить Лэ-лэ:

— Тогда до завтра.

Войдя в квартиру, Линь Сюй обессиленно прислонился к двери и сполз на пол. Он сбросил тяжелую маску, пальцами запустил в волосы и сильно потянул, пытаясь унять глубокую боль в голове. Дыхание становилось все тяжелее.

Лэ-лэ, почувствовав, что с хозяином что-то не так, сел рядом и прижался головой к его плечу, выражая свою преданность.

Спустя долгое время Линь Сюй наконец пошевелился. Он нащупал в кармане телефон, долго листал список контактов и набрал номер доктора Чжао.

<http://bllate.org/book/21803/2256462>